

УДК 94(497.11)“18”:930
93/94 Шемјакин А. Л.
DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.nik.75-90>

*Константин Владимирович НИКИФОРОВ, д.и.н.
Александр Александрович СИЛКИН, к.и.н.*

Институт славяноведения РАН
k.nikiforov@voxnet.ru
alexander.silkin.as@gmail.com

*Др Константин Владимирович НИКИФОРОВ
Др Александар Александрович СИЛКИН*
Институт за словенске студије Руске академије наука

Андрей Шемякин о Сербии и сербах Андреј Шемјакин о Србији и Србима

8 марта 2018 г. в возрасте 57 лет умер Андрей Леонидович Шемякин. Его преждевременная смерть повергла всех в шок. Он ушел в самом расцвете творческих сил, не сделав многого из задуманного.¹

Последнее, что он успел сдать в печать, – некролог белградскому профессору Джордже Станковичу.² Работая над ним, Андрей Леонидович сетовал, что непросто в одном тексте совместить описание жизненного пути и личных черт старшего товарища с оценкой его научных достижений. Мы оказались в том же положении. Можно ли в небольшой заметке объяснить, каким был А.Л. Шемякин?

У тех, кто с ним общался, в памяти останется его яркий образ. У каждого свой. А тем, кто его не знал, в двух словах не расскажешь. Главное, что талант ученого сочетался в нем с выдающимися человеческими качествами. В чем причина такой гармонии? Наверное, имели значение основные события его биографии – где родился, как рос, когда призвали на военную службу и т.д. Не зря он так

1 В основу статьи положены два некролога, вышедшие в Институте славяноведения РАН: Никифоров К. В., „Спасибо России за то, что она подарила нам Андрея...“, *Славянский мир в третьем тысячелетии* 1-2/2018, 7-11; Силкин А. А., „Человек на Балканах: творческий путь А.Л. Шемякина“, *Славяноведение* 5/2008, 109-117.

2 Шемякин А. Л., „Джордже Станкович (1944-2017)“, *Славянский альманах* 1-2/2018, 420-425.

любил вспоминать о своей „малой родине“, об армии, студенческих годах, о том, как впервые оказался в Сербии, как пришел в Институт славяноведения.

* * *

Андрей Шемякин родился 1 мая 1960 г. в Туле, не то, что очень далеко от Москвы, но все-таки в провинции, в семье инженеров-оружейников Анны Сергеевны и Леонида Андреевича. К своей любимой профессии Андрей пробился не сразу. После окончания в 1977 г. школы около года проработал в Государственном архиве Тульской области. В ноябре 1978 г. молодой архивист оказался в армии, где его владение литературным языком, наверное, впервые было оценено по достоинству. Не один офицер, рассчитывавший на продвижение по службе, поставил свою подпись под текстами, написанными рядовым, а к концу „срочной“ старшиной Шемякиным. Не исключено, что „легкое перо“ спасло ему жизнь. Романтично и патриотично настроенный Андрей Леонидович подал прошение о переводе в Афганистан, которому „отцы-командиры“ не дали хода. По-видимому, не хотели лишаться столь полезного бойца. Российское славяноведение должно быть им за это благодарно.

В ноябре 1980 г. А.Л. Шемякин поступил на подготовительное отделение исторического факультета МГУ, называемое в обиходе „рабфаком“, и в сентябре 1981 г. стал студентом 1-го курса. Далее уже ничто не сбивало его с прямой дороги. Ленинский стипендиат, гордость курса и кафедры истории южных и западных славян, которую он избрал для специализации. Еще точнее – Андрей начал специализироваться по Новой истории Сербии. Более того, по совету научного руководителя, заведующего кафедрой истории южных и западных славян В.Г. Карасева он уже в студенческие годы выбрал и главный объект своего изучения – сербского государственного деятеля конца XIX – начала XX вв. Николу Пашича. И это оказалось любовью на всю жизнь.

В ноябре 1986 г., окончив с отличием истфак, он поступил в аспирантуру при избранной кафедре. Во время обучения в аспирантуре Андрей трижды съездил на стажировку в Югославию, проведя в ней в совокупности около года. Результатом стала не только закладка источникового и историографического фундамента буду-

щих научных изысканий, но и блестящее знание сербского языка, на котором А.Л. Шемякин говорил и писал (Sic!) лучше не только *всех* отечественных историков-сербистов и югославистов, но и многих сербских коллег. Тогда же стала более осязаемой его любовь к Сербии и Балканам в целом. Не зря по возвращении в Москву он с горящими глазами говорил своему товарищу по комнате в общежитии, что „Балканы – это наркотик“.

После окончания аспирантуры случилось еще одно судьбоносное событие в жизни А.Л. Шемякина. В декабре 1989 г. он стал сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне – Институт славяноведения РАН), где без перерыва проработал почти тридцать лет и все эти годы в одном секторе, который ныне называется Отделом истории славянских народов периода мировых войн.

В 1990 г. он защитил кандидатскую диссертацию „Образование Радикальной партии в Сербии в 1881–1883 годах“, написанную на родной кафедре под руководством профессора В.Г. Карасева. Позже кандидатская была переработана в монографию „Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875-1883)“.³

В Институте славяноведения А.Л. Шемякин быстро стал своим, и скоро во многом начал определять его научное лицо. В 1998 г. в Институте Андрей Леонидович защитил в качестве докторской диссертации монографию „Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)“.⁴ Позже эта монография была переведена на сербский язык. Отметим и тот факт, что, если первая монография была посвящена автором своему учителю – В.Г. Карасеву, то вторая – матери Анне Сергеевне, с которой он всегда был чрезвычайно близок.

Тогда же он стал заведующим отделом, сменив на этой должности Р.П. Гришину, которая сыграла в его научной карьере далеко не последнюю роль. Осмелимся предположить, что сотрудничество с Риттой Петровной для Андрея Леонидовича имело то же значение, что и знакомство с ним для его собственных учеников, для которых самым страшным было разочаровать ожидания наставника.

3 Шемякин А. Л., *Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875-1883)*, Москва 1993.

4 Шемякин А. Л., *Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)*, Москва 1998.

Сам же он с тем же пиететом относился к мнению только двух человек – Ритты Петровны и сербского историка Латинки Перович.

В конце 2004 г. А.Л. Шемякин принял предложение занять должность заместителя директора института. Однако административные обязанности его явно тяготили. Он не стремился делать карьеру и хотел заниматься только наукой. Как будто предчувствовал, что времени у него оставалось немного... Поэтому в 2009 г. он вернулся в свой отдел, в котором в качестве ведущего, а затем и главного научного сотрудника работал вплоть до кончины.

За годы научной деятельности А.Л. Шемякин опубликовал около 200 работ, в которых рассмотрены несколько важных проблем: государственно-политическое и социокультурное развитие Сербии и Балкан в последней четверти XIX в. – начале XX в.; официально-дипломатический и общественный аспекты русско-сербских отношений того же времени; роль Сербии в Первой мировой войне; взаимоотношения сербов с остальными югославянскими народами и процесс образования Югославии.

Андрей Леонидович не был обычным академическим кабинетным ученым. Он работал самозабвенно, с упоением, азартом и вдохновением. Своей страстностью заражал всех, кто имел счастье с ним общаться. Ничто не могло воспрепятствовать его научной деятельности – ни долгие годы скитаний по Москве без собственного угла, ни тотальное безденежье 1990-х годов, которое выбило из профессии многих ученых его поколения.

Уже в 1990-е годы А.Л. Шемякин становится признанным специалистом по деятельности Радикальной партии и ее бессменного лидера Николы Пашича. Специалиста подобного уровня в наше время не было не только в России, но и в самой Сербии. Никола Пашич не просто стал героем научных изысканий Андрея Леонидовича. Он буквально вжился в этот образ, скрупулезно по дням изучал каждый поворот биографии знаменитого серба, переписывался даже с его внуком. До этого личность Пашича не привлекала столь пристального внимания отечественных историков, хотя явно этого заслуживала. Своими книгами и многочисленными статьями о Николе Пашиче, его сподвижниках по сербскому радикализму, других его современниках, об истории Сербии того времени А.Л. Шемякин закрыл имевшуюся в российской историографии лауну. Остается только сожалеть, что нереализованным остался замысел еще одной

его монографии о великом сербе: „Балканский детектив. Никола Пашич в эмиграции. Болгария, Румыния, Россия (1883-1889)“.

Отношение Андрея Леонидовича к своему главному герою эталонно с точки зрения научного подхода к историческим личностям. Сами по себе их библиографические персоналии обычно считаются менее важным научным жанром и даже не заслуживающими монографического исследования. Понимая это, А.Л. Шемякин преподносит лидера радикалов, прежде всего, как человека своего времени и окружения, как воплощение определенных черт и устремлений сербского народа. Показательно, что в книге, послужившей основой для его докторской диссертации, имя Николы Пашича фигурирует не в именительном, а в родительном падеже, то есть в связи с его идеологией. Та, по словам автора, „не просто мировоззрение отдельно взятого политика“, а „индикатор целой общественной тенденции“. Или, другими словами, „реакция сербского аграрного общества на вызов эпохи.“⁵

Разумеется, написанное о Пашиче носит сильный отпечаток личного отношения Андрея Леонидовича к своему герою. При его отношении к научным изысканиям иначе и быть не могло. И в целом он высоко и безоговорочно оценивал вклад лидера радикальной партии в развитие сербской государственности. Тот именуется „прирожденным организатором и блестящим партийным лидером“, обладающим „мощной харизмой“.⁶ А дабы „очертить точный ‘калибр’“ вождя радикалов, А.Л. Шемякин приводит также оценку Д. Станковича: „Как историческая личность он представляет собой научный вызов, которому трудно найти аналог в историографии развитых стран.“⁷ Таким образом, коллегам Андрея Леонидовича трудно было не заметить, что и сам он в известной мере подпал под обаяние „мощной харизмы“ своего персонажа. Тем более что Пашич был не только крупной политической фигурой, но и признанным русофилом.

Его идеи по сохранению в Сербии общины-зadrуги в чем-то, несомненно, перекликались с идейными построениями русских народников, были интересны и для лучшего понимания истории Рос-

5 Шемякин А. Л., *Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891)*, Москва 1998, 12.

6 Ibid, 344, 341.

7 Шемякин А. Л., „Никола Пашич: человек, политик, национальный лидер“, *Листая страницы сербской истории...*, Москва 2014.

сии. Однако в программе Н. Пашича историк обнаруживал и ответы на актуальные вопросы, которые волновали его в связи с российской действительностью. В описании противостояния радикалов с их противниками – напредняками сложно не усмотреть аналогии с той дилеммой, перед которой, по мнению многих, в том числе и А.Л. Шемякина, стояла Россия в начале 1990-х годов: „В то время, как одни тянули в Европу, к гражданскому обществу и либеральным порядкам, ломая все на своем пути; другие тяготели к традиции, ценностям ‘славянской цивилизации’, стремясь напрочь отгородиться от проникновения ‘эгоистичной западной культуры’“⁸ Нетрудно догадаться, на чьей стороне был в то время Андрей Леонидович.

Однако подчеркнем одно важное обстоятельство. Отношение к Н. Пашичу не оставалось у Шемякина статичным. Оно развивалось по мере того, как более глубокими и разносторонними становились представления Андрея Леонидовича о социальном контексте, в котором существовали его герои. В середине 1990-х годов А.Л. Шемякин утверждал: „Они боролись за власть, ... чтобы проводить политику в интересах большинства народа и обеспечить его защиту от эксплуатации немногих.“⁹ С течением времени оценки радикалов становились все более сдержанными. В поздних работах акцент делался не на различиях между „традиционалистами“ и „западниками“, а на том факте, что и тех, и других характеризовало „стремление к монополии на патриотизм и мессианская претензия на политическое господство.“¹⁰ В 2015 г. Андрей Леонидович констатировал, что радикальная партия, как и „каждая партия“ (Sic!), „грешила“ тем, что „всерьез отождествляла себя со всем сербским народом... воспринимала себя как спасительницу Сербии, относясь к другим не как к политическим оппонентам, но как к непримиримым врагам.“¹¹ Радикалы и их оппоненты политику „воспринимали не как способ “рационализации конфликта”, но как войну всех против всех.“¹² Таковы проявления „авторитарной политической культуры“ – одной

8 Шемякин А. Л., *Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)*, 208.

9 Ibid, 34.

10 Шемякин А. Л., „Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878-1918) глазами русских“, *Русские о Сербии и сербах, Том II (архивные свидетельства)*, Москва 2014, 608.

11 Ibid, 561.

12 Ibid, 570.

из „универсальных характеристик сербского традиционного общества“. Именно их А.Л. Шемякин называл „главным предметом своего научного поиска“.

Развитию сербского социума в 1878-1914 гг., рассматриваемому в разных аспектах и в сопоставлении с аналогичными процессами в соседних странах, посвящены наиболее значимые из многочисленных статей Андрея Леонидовича – те, что вышли в рамках модернизационного проекта „Человек на Балканах“. Восемь сборников статей стали плодом сотрудничества А.Л. Шемякина с Р.П. Гришиной (последний сборник был завершен и увидел свет уже после ее кончины).¹³ Вдохновителей серии объединяло понимание, что „политическое поведение“ балканских народов обусловлено их социо/этнокультурными особенностями. Без изучения оных нельзя объяснить логику и результаты пути, пройденного сербами, черногорцами и болгарами после обретения независимости.

За десятилетие с лишним, что длился проект (2002-2016 гг.), вокруг его инициаторов сложилась большая группа исследователей-единомышленников, заинтересованных в „изучении особенностей модернизационных процессов в балканских странах“; выявлении „характерных проявлений ментальности ‘балканского человека’“, а также „исследовании специфики формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью.“¹⁴ Решение перечисленных задач достигалось, по словам А.Л. Шемякина, посредством „нового для традиционного позитивистского дискурса инструментария“, а именно – путем „привлечения

13 *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.*, Санкт-Петербург 2002; *Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.)*, Санкт-Петербург 2004; *Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX – начало XX в.)*, Санкт-Петербург 2006; *Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.)*, Санкт-Петербург 2007; *Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.)*, Санкт-Петербург 2009; *Человек на Балканах глазами русских*, Санкт-Петербург 2011; *Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн*, Москва 2012; *Человек на Балканах: Особенности „новой“ южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.*, Москва 2016.

14 Шемякин А. Л., „PostScriptum“, *Человек на Балканах. Особенности „новой“ южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.*, 395, 400.

данных из смежных с историей наук: этнологии, демографии, социологии, культурологии, имагологии.¹⁵

В последнем, восьмом выпуске серии А.Л. Шемякин пишет о научном значении серии „Человека на Балканах“, которое видится ему в „ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран)“ и „освобождении от сковывавших мысль умозрительных представлений“. Главное же, по словам А.Л. Шемякина, что завершившийся проект „дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений – утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории.“¹⁶ Мы же полагаем, что все перечисленное лучшим образом описывает и личный вклад, и, одновременно, мотивацию самого Андрея Леонидовича как ученого.

К модернизационному проекту прямо или косвенно примыкают индивидуальные монографии Р.П. Гришиной о болгарской модернизации, В.Б. Хлебниковой о подобных же процессах в Черногории, ряд других работ. Андрей Леонидович также задумывал написать собственную индивидуальную монографию о сербской модернизации, но, к сожалению, не успел. Впрочем, из всех написанных им глав, предисловий, послесловий, примечаний и комментариев вполне может сложиться отдельный сербский томик. Отметим и то, что А.Л. Шемякин был горячим, азартным полемистом. И именно по вопросам первой сербской модернизации этот талант проявился в полную силу. Он вел непримиримую дискуссию с рядом сербских историков, которые, на его взгляд, преувеличивали весьма скромные достижения во многом еще патриархальной страны.

Показательно, что и тема его докторской диссертации „Идеология Николы Пашича“ – вызов расхожему, сформировавшемуся еще в межвоенное время представлению, будто глава радикалов был исключительно политиком-практиком. Будучи лишенным идейного багажа, он, якобы, поэтому не оставил после себя сколь-нибудь значимых „письменных следов“. „Что ж, за подобными утверждениями легче скрыть недостаток архивных изысканий“, – уже на 11-й странице монографии об идеологии Пашича А.Л. Шемякин бросает перчатку к ногам своих оппонентов, которым он противопоставил источниковую и фактологическую фундированность собственных аргументов.

15 Ibid, 394.

16 Ibid, 402.

Полемику о мнимой безыдейности Н. Пашича можно считать прологом к „дебатам о сути радикализма“ в Сербии, которые в свою очередь „органично вплетаются в другой и более принципиальный спор... – по вопросу интерпретации Новой истории страны, в целом.“¹⁷ Возражал Андрей Леонидович той „части историков“, которые в силу своей провинциально-неофитской „европейскости“ или „прозападной“ политической ориентации преподносят Сербию второй половины XIX в. – начала XX в. „современным европейским государством.“ Так характеризовать ее им позволяет простое наличие в ней либеральных государственных институтов – парламента, политических партий и конституции. По мнению этих приверженцев „формально-институционального“ подхода, „Сербия с момента своего основания была восприимчива к западным концепциям либерализма, парламентаризма и демократии, а образованная в западных университетах политическая элита полностью приняла западную модель развития и модернизации.“ Последнее относится к Радикальной партии, которая, якобы, „принадлежала к великой семье европейского радикализма“, а ее идейные корни „восходили к европейской (прежде всего – французской) политической традиции.“¹⁸

Опровержение этого утверждения в работах Андрея Леонидовича – иллюстрация того, сколь знание архивных материалов и соответствующей литературы эффективно в преодолении умозрительных построений и мифов, для создания и воспроизведения которых, как известно, не требуются ни факты, ни источники.¹⁹ „Идеи народнического социализма являлись сущностным компонентом общественной философии Пашича,²⁰ – читателю монографии Андрея Леонидовича не составит труда убедиться в непоколебимой аргументированности данного тезиса. Ту же позицию разделяют и единомышленники А.Л. Шемякина из числа сербских историков – Латинка Перович, Ольга Попович-Обрадович и Дубравка Стоянович:

17 Шемякин А. Л., „Идеология сербского радикализма (1881-1903 гг.): историографические стереотипы и дилеммы“, *Россия и Сербия глазами историков двух стран*, Санкт-Петербург 2010, 163.

18 Ibid, 143.

19 Ibid, 151-153.

20 Шемякин А. Л., *Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891)*, 360.

„Идеология Сербской радикальной партии – это народническая идеология, поскольку ее социальный стержень – эгалитаризм.“²¹

Что касается „аутентичной парламентской демократии“, якобы сформировавшейся в Сербии к началу Первой мировой войны, то даже беглого взгляда на характер политической жизни и нравы ее колоритных участников достаточно, чтобы убедиться в несостоятельности этого мифа. Андрей Леонидович же в своих индивидуальных работах, а также вместе с коллегами по упомянутому модернизационному проекту предпринял основательную „реконструкцию политических и социокультурных реалий на Балканах.“ Она показала, что „принятие конституций, введение парламентских и других “европейских” институтов и процедур составляло лишь фасад, который пристало иметь независимому государству, но за которым скрывались – будучи доминирующими в политической культуре – весьма патриархальные (недемократические и авторитарные) навыки и подходы“. Именно они определяли поведение элит и всего общества в целом. Его приверженность „антииндивидуалистическим ценностям“, – А.Л. Шемякин цитирует Д. Стоянович, – сближала его „с коллективистскими и эгалитаристскими... политическими проектами куда больше, чем с институционализированной парламентской монархией.“²²

Спор о характере сербской государственности имел отношение к основной сфере научных интересов Андрея Леонидовича и потому красной линией проходил через все его творчество. Не уклонялся он от полемики, и когда та или иная „контроверза“ затрагивала условно второстепенные темы, его интересовавшие. Например, ему регулярно приходилось „ставить на место“ некоторых современных авторов, в работах которых проявлялось присущее сербской публицистике и отчасти историографии обыкновение безосновательно возлагать на Россию ответственность за те или иные трагические эпизоды сербской истории XIX – начала XX в. В написанных А.Л. Шемякиным главах „Истории Югославии в XX в.“ значительное место уделяется разоблачению голословного утверждения о причастности России и ее представителей к организации майского переворо-

21 Шемякин А. Л., „Идеология сербского радикализма (1881-1903 гг.): историографические стереотипы и дилеммы“, *Россия и Сербия глазами историков двух стран*, 146.

22 Ibid, 164.

та 1903 г., положившего конец правлению Обреновичей в Сербии.²³ В Белграде увидела свет одна из его посмертных статей, в которой опровергаются домыслы о финансировании Петербургом в 1880-е годы заговора радикалов, ставивших целью свержение злосчастной династии. „Появление таких версий связано с крайне слабым знанием их авторами русских исторических материалов“, – Андрей Леонидович не знал жалости, вынося „приговор“ некомпетентности коллег.²⁴

Анализируя роль Сербии в Первой мировой войне, А.Л. Шемякин не мог не отреагировать на утверждения некоторых российских коллег, будто официальный Белград после успешных Балканских войн (или даже еще раньше – в 1903 г.) определился с тем, что его стратегической целью и актуальной национально-политической задачей является объединение с другими югославянскими народами в результате разрушения монархии Габсбургов. Для ее достижения следовало „сравнить“ Вену и Петербург, который к 1914 г. якобы стал заложником устремлений своего агрессивно настроенного балканского союзника.²⁵ Подобные „сомнительные тезисы“, в подтверждение которых „уважаемые коллеги не привели ни одного (!) источника“, А.Л. Шемякин рассматривал в контексте международных попыток пересмотра причин Первой мировой войны и установления ее „подлинных виновников“ в лице России и Сербии: „В последние полтора десятка лет такая тенденция, возникшая на Западе в 20-30-е гг., только усилилась – в тесной связи с балканскими событиями конца XX в.“²⁶

Предчувствуя очередное усиление этой тенденции в преддверии 100-летней годовщины начала Первой мировой войны, Андрей Леонидович подготовил к печати „Балканские воспоминания“ первого секретаря российской миссии в Сербии в 1911-1915 гг. В.Н. Штрандтмана – „аутентичное подспорье в интеллектуальной дуэли с очередными носителями идеи ‘ревизии истории’“. Мемуары, опубликованные в 2014 г., стали дополнительным аргументом

23 Шемякин А. Л., „Сербия“, *Югославия в XX веке: очерки политической истории*, Москва 2011, 19-22.

24 Шемякин А. Л., „Россия, Никола Пашич и режим Милана Обреновича в 1883-1889 гг. (в развитие дискуссии)“, *Русија/СССР и државност Србије/Југославије*, Београд 2018, 160.

25 Шемякин А. Л., „Василий Николаевич Штрандтман и его ‘Балканские воспоминания’“, Штрандтман В. Н., *Балканские воспоминания*, Москва 2014, 14.

26 Ibid, 12.

в арсенале А.Л. Шемякина, который в ряде работ убедительно доказал – после Балканских войн сербское правительство и двор не были заинтересованы в конфликте с Австро-Венгрией и всячески старались его избежать.

Много времени и усилий Андрей Леонидович посвятил „следующему“ по хронологии сюжету – роли Сербии в процессе создания Югославии. Ее анализ выявил несостоятельность двух противоположных позиций, которые можно встретить в хорватских и сербских работах. Согласно первой, сербские правящие круги, прикрываясь лозунгом югославизма, на самом деле, на протяжении войны двулично преследовали сугубо „великосербские“ цели, действуя за спиной у партнеров из Югославянского комитета. Приверженцы второй утверждают, что официальная Сербия, провозгласив в конце 1914 г. своей целью „объединение с несвободными братьями – сербами, хорватами и словенцами“, неуклонно и последовательно следовала только этой линии. Подтверждение тому – Корфская декларация, подписанная летом 1917 г. представителями сербского правительства и Югославянского комитета.

В отличие от двух приведенных точек зрения шемякинская трактовка политики Сербии в ходе Великой войны не была обусловлена ложным морализаторским подходом, в рамках которого исторические персоны оцениваются по шкале „народный – антинародный“, „прогрессивный – реакционный“ и т.п. По мнению Андрея Леонидовича, при определении политического курса сербский истеблишмент руководствовался не теорией народного единства югославян, а представлениями о реалистичности, практической целесообразности и собственной ответственности перед соотечественниками/избирателями. Поэтому ни до, ни после начала войны объединение с хорватами и словенцами не было единственной или приоритетной целью официального Белграда. Да и не могло быть, ведь до осени 1918 г. судьба Австро-Венгрии оставалась неизвестной. До этого сербское правительство (как и югославяне-эмигранты) озвучивали югославистские лозунги, в первую очередь, с целью решения тактических задач: дестабилизации тыла многонациональной империи Габсбургов; оказания давления на союзников, требовавших от Сербии уступок в пользу Болгарии; увеличения собственного веса на международной арене после Февральской революции и фактического исчезновения главного союзника в лице России и т.д. „Стремясь при любом “раскладе” обеспечить прежде всего интересы Сербии и

сербского народа, он (Н. Пашич. – *авт.*) в зависимости от изменений международной обстановки колебался от ‘великосербства’ до ‘югославизма’.”²⁷ Окончательный выбор в пользу последнего состоялся, только когда стало окончательно известно, что Австро-Венгрия развалится, и победа будет полной.

Следует оговориться, вышеприведенные примеры участия А.Л. Шемякина в полемике по тому или иному вопросу не значат, что он нарочно искал повода „скрестить шпаги“ с кем-нибудь. Они – свидетельство того, что приближение к исторической истине неизбежно ведет к столкновению с небрежностью, дилетантизмом или, еще того хуже, политиканством, которые не желают уступать своих прочно удерживаемых в историографии позиций.

Сегодня фигура Пашича уже неразрывно связана в историографии с работами Шемякина. Но все же было бы несправедливо связывать научное творчество Андрея Леонидовича только с этим историческим персонажем. Так, он довольно неожиданно обратил внимание на внука прославленного героя Бородинской битвы Николая Николаевича Раевского – добровольца, погибшего в Сербии в войне против турок. А.Л. Шемякин посвятил Раевскому специальное исследование на стыке истории и литературоведения, в котором убедительно поддержал версию о том, что именно Раевский являлся прототипом графа Вронского из толстовской „Анны Карениной“. Книга Шемякина „Смерть графа Вронского“ вышла двумя изданиями (М., 2002 и СПб., 2007).

Удивительно, но избежать „конфликта“ Андрею Леонидовичу не удалось и в этом случае. Не станем вдаваться в детали, в чем состояла причина разногласий. Главное, опубликовав монографию, автор счел, что „научная необходимость требует продолжить дискуссию“, что не могут быть проигнорированы „фактические и концептуальные огрехи“ его критика. Именно этому человеку мы обязаны появлением в 2007 г. уже упомянутого второго расширенного и дополненного издания „Смерти графа Вронского“. Оба варианта книги вышли в Белграде в переводе на сербский язык.

Подчеркнем, осознавая свою правоту в споре с оппонентами, А.Л. Шемякин не впадал в самонадеянность или нарциссизм. Как подлинный ученый, он допускал, что не все его работы выдержат ис-

27 Шемякин А. Л., „Первая мировая война. Рождение Югославии“, *Югославия в XX веке. Очерки политической истории*, Москва 2011, 202.

пытание временем. Поэтому особое значение Андрей Леонидович придавал публикации источников, в которых видел непреходящую для историка ценность. Так появились вышеупомянутые мемуары Штрандтмана, до них – переписка Н. Пашича с сербским митрополитом Михаилом,²⁸ 3-й том большого документального проекта „Москва-Сербия, Белград-Россия“,²⁹ подготовленный вместе с сербскими коллегами, а также два тома наблюдений путешественников „Русские о Сербии и сербах“, охватывающие более полувека – с 1860-х до 1920-х годов. В первый, опубликованный в 2006 г., вошли уже бывшие в печати материалы, а во второй (2014) – документы сугубо архивные, никогда ранее не публиковавшиеся.

Этими двумя книгами Андрей Леонидович внес свой вклад в так называемое имагологическое направление, то есть в исследования, связанные с представлениями, стереотипами, интерпретациями образов „других“, „чужих“, „инородных“. В Институте славяноведения РАН подобными исследованиями до него занимались в основном литературоведы, прежде всего В.А. Хорев, но среди историков А.Л. Шемякин оказался первопроходцем. В двухтомнике „Русские о Сербии и сербах“ А.Л. Шемякин выступал не только как составитель, но и как автор комментариев, а главное – больших проблемных вводных и заключительных статей. Он задумывался и о третьем томе своей „антологии“, который целиком бы относился к заметкам о Сербии П.А. Ровинского – путешественника и исследователя, более известного по своим запискам о Черногории. Андрей Леонидович высоко ценил его наблюдательность и уже начал работать над новой книгой, отобрал необходимый для публикации материал, написал ряд статей.³⁰ Будем надеяться, что в том или ином виде этот труд его коллегам все же удастся довести до конца. Кстати, имагологическую тематику подхватили сербские историки, где большое сходное исследование на „зеркальную“ тему „Сербы о России и русских“ провел М. Йованович.

28 *Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884-1888)*, при А. Шемякин, Београд 2004.

29 *Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Том 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878-1917 гг.*, Москва-Белград 2012.

30 См., например: Шемякин А. Л., „Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования)“, *Историјски часопис* 67/2018, 287-308.

В 2006 г. Андрей Леонидович, держа в руках только что вышедший первый том „антологии“, сказал одному из авторов этих строк, что, по его мнению, только ею он останется в истории науки. Остальные работы, написанные им самим, дескать, забудутся. Позволим с этим не согласиться. Во-первых, если что из современного отечественного славяноведения и пригодится потомкам, то это созданное такими авторами, как Шемякин. Во-вторых, не забывал же он сам наследия своих ушедших учителей и старших коллег, не дал забыть опубликованные им записки русских ученых, побывавших в Сербии за сто лет до него. В шемякинской характеристике одного из них – профессора П.А. Кулаковского, мы узнаем самого Андрея Леонидовича с его отношением к современной Сербии, которая так много для него значила: „Он не был *идеалистом* в отношении сербов и не разделял... „либерального славнолюбия“... С другой стороны, профессиональный славист... Кулаковский стремился к достоверности, не скрывая при этом симпатий к сербскому народу и живо переживая политические ошибки, допущенные элитой: „Мне иногда бывает в душе тяжело за самих сербов“... Такое неравнодушие дополнялось у него справедливой критикой политики собственной страны: ‘Плана у нас нет, цели у нас не осознаны, не определены: в этом беда... России помогает лишь народная вера в нее – вера, скажу прямо, которой мы, пожалуй, недостойны...’ “³¹

Хотелось бы еще раз отметить яркое, живое перо А.Л. Шемякина, в этом смысле он был, несомненно, продолжателем славных традиций таких корифеев отечественной исторической науки, как Е.В. Тарле и В.Н. Виноградов. Андрей Леонидович был хорошим оратором, особенно ему удавались эмоциональные выступления на сербском языке. Воистину, как кто-то уже отмечал: „Пишет – зачитаешься, выступает – заслушаешься“. Поражала его эрудиция, широкий круг интересов. Он был безупречен с точки зрения научной этики: несмотря на всю полемичность, доброжелателен с коллегами, охотно всем помогал, особенно молодым. Он был очень порядочным человеком.

Андрей Леонидович много печатался в Сербии, был желанным автором практически всех сербских научных журналов исторического профиля. Его можно без преувеличения назвать одним из са-

31 Шемякин А. Л., „Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878-1912) глазами русских“, *Русские о Сербии и сербах, Том II (архивные свидетельства)*, Москва 2014, 555.

мых известных российских историков в Сербии. Недаром на его уход откликнулись все сербские научные институции – от Сербской академии наук и искусств, Белградского университета и Матицы сербской до профильных исторических институтов, отдельных ученых и рядовых граждан. В одном из частных соболезнований, пришедшим в Институт славяноведения РАН от Ивана Кнежевича, говорилось: „Спасибо России за то, что она подарила нам Андрея, спасибо Вам за все, что делает Ваш Институт...“

Такие люди встречаются редко. И они вызывают чувство гордости за Россию, за то, что, несмотря ни на что, русская земля не иссякла на яркие таланты. Они вызывают чувство гордости за историческую науку, за то, что при любых обстоятельствах всегда находятся ученые, которые остаются честным и принципиальными людьми.

Он ушел очень рано. Однако и то, что он успел, хватило бы и на несколько научных судеб. Новые поколения историков-сербистов обязательно будут учиться на его работах. Его будут помнить.